

Беседа поэта Евгения ЕВТУШЕНКО
с критиком Владимиром КОРКИНЫМстрах —
ответ...

В. КОРКИН. О том, что неотвратимо привело в свое время вас, Евгений Александрович, к признанию — «я заболел болезнью возрастной», — вы сами сказали с полной, обнаженной откровенностью:

Попробуй сам себя

восстанови!

Переболела плоть,

перелюбила,

и жуть берет

от холода в крови,

от ощущения — это было,

было...

Смею думать, в ту пору вы переживали творческий кризис, выразившийся в страхе немoty. Что помогло вам снова обрести голос?

Е. ЕВТУШЕНКО. У некоторых поэтов «страх немoty» становится предметом их излившей болтливости. У каждого, на мой взгляд, нормального человека бывают моменты депрессии. Этого не надо пугаться. Наоборот, отсутствие пугающих психологических состояний меня пугает в людях, которые отгораживаются от страданий еще так несовершенного мира самодовольством и натужным оптимизмом. Но важно не превращать собственный психологический кризис в куклу, с которой можно поиграть, тем более что это вызывает сочувствие публики, охочей до сентиментальных воздыханий о чьей-то несчастной судьбе. Кстати, эти воздыхания часто прекрасным образом сочетаются с равнодушием. Надо уметь переживать кризисы, выплывать из них новое качество мышления, а не избегать их и не нянькаться с ними, если они случаются. Тот момент, когда я писал эти стихи, не был для меня катастрофой, хотя бы потому, что я смог исповедаться — то есть превратить собственную раздвоенность в творческую собранность. Не надо бояться за поэтов, если они пишут хорошие печальные стихи. Это момент кризиса, становящегося расцветом. Надо бояться за поэтов, когда они пишут радостные плохие стихи. Тут дело уже может пахнуть моральной, а если сказать точнее, аморальной катастрофой.

В. КОРКИН. Что значит, по-вашему, быть поэтом сегодня?

Е. ЕВТУШЕНКО. Назначение поэта остается прежним с гомеровских времен — быть музыкальным голосом истории. Но в нашу эпоху средств массовой коммуникации, когда поток информации дает чувство соединенности всего, что происходит везде, а сила оружия массового уничтожения такова, что все страны зависят так или иначе друг от друга, большой поэт должен обладать глобальным мироощущением. Без глобального мироощущения и собственную страну понять невозможно. Большой поэт сейчас не может состояться нигде, если его сердце не будет сразу всюду. И это — не распыление таланта, а его концентрация.

В. КОРКИН. Не обнадеживает ли вы, что сегодня начинать труднее, чем это было в то время, когда вы, ваше поколение вообще входило в поэзию?

Е. ЕВТУШЕНКО. Начинать всегда трудно. Но тогда было и по-хорошему трудней: в 1949 году, когда я напечатал первые стихи, были еще живы и Твардовский, и Смеляков, и Пастернак, и А. Ахматова, и Заболоцкий, и Светлов, и многие другие. Было кого бояться. Сейчас бояться

те ли вы напрасно молодых, радушно приглашая их в «трамвай поэзии», который, по вашим словам, резиновый? Я скорее согласен с Амо Сагианом, сказавшим: «Настоящий поэт — не пассажир, а конструктор». Впрочем, я цитировал ваши старые стихи. Возможно, теперь вы другого мнения?

Е. ЕВТУШЕНКО. Я никогда не обнадеживаю тех молодых поэтов, чья единственная потенция — это профессионализация на основе профнепригодности. Но трамвай поэзии — резиновый, когда в нем талантливые люди. Талантливым людям не может быть тесно. В начале двадцатого века у нас было неимоверное количество настоящих поэтов, живших в одно и то же время: Блок, Маяковский, Пастернак, Есенин, Цветаева, Ахматова, и они не мешали друг другу, хотя, к сожа-

лению, иногда и ссорились. Плохих поэтов, конечно, всегда больше, но это не страшно. Сегодняшняя поэтическая ситуация опасна тем, что на legiony плохих поэтов приходится слишком мало хороших. Одна из этих причин в том, что плохие поэты, стоявшие редакторами, уже зашедшие в трамвай поэзии, не дают впускать в двери тех, кто лучше их. Приведу пример хотя бы с гамбовской поэтессой Мариной Кудимовой. Уже года три-четыре тому назад можно было издать ее стихи книгой. Наши издательства проявляют порой поразительную филантропию по отношению к гладеньким посредственностям и в то же время непонятную медлительность по отношению к подлинным индивидуальностям, пугающим их своей непохожестью на поэтический «ширпотреб». Моя трамвайная позиция проста — «двери настежь талантам, и двери на замок для посредственностей». Амо Сагиан прав: настоящий поэт не пассажир, а конструктор. Но счастлив тот человек, который летит в будущее на ракете собственной конструкции.

В. КОРКИН. Не думаете ли вы, что сегодня начинать труднее, чем это было в то время, когда вы, ваше поколение вообще входило в поэзию?

Е. ЕВТУШЕНКО. Начинать всегда трудно. Но тогда было и по-хорошему трудней: в 1949 году, когда я напечатал первые стихи, были еще живы и Твардовский, и Смеляков, и Пастернак, и А. Ахматова, и Заболоцкий, и Светлов, и многие другие. Было кого бояться. Сейчас бояться

почти некого, и поэты подрались — и формально, и нравственно. Уже не погрозишь своей суковатой тростью за плохонькую рифму Антокольский, не опустит глаза при встрече за халтурные барабанные стихи Луконин. Печаль положения в том, что пришедшие за последние лет двадцать пять поэты не восполнили ушедших за эти же двадцать пять лет. Образовалась сильнейшая недостаточность кислорода талантливости, личностности. Однако я верю в нравственные резервы русской поэзии и убежден, что после застоя, возможно, произойдет демографический взрыв талантов.

В. КОРКИН. Мне кажется, вы лично теперь стесняетесь неслыханной популярности, славы, которая в свое время обрушилась на вас в частности? Не помешала ли она вам совер-

шить то, на что вы были способны, не увела ли в сторону?

Е. ЕВТУШЕНКО. Слава — это не меньшая проверка силы таланта, чем и бесславье. Сильный талант выдержит и первое, и второе. Если человек не выдерживает испытания славой, это всегда ставит под сомнение глубину и мощь его таланта. Большого поэта слава может «увести в сторону» лишь ненадолго. Инстинкт правды и музыки вернет его.

В. КОРКИН. Не этим ли вызван ваш призыв «долго жить», что вы надеетесь, считаете долгом наверстать упущенное?

Е. ЕВТУШЕНКО. Наверстать «упущенное» нельзя. А может быть, и не надо. По новейшим медицинским данным, организм человека при определенных условиях рассчитан на 300 лет. Однако средний возраст людей на земле — 70 лет. Федоров и Циолковский верили даже в реальную возможность бессмертия. Сегодняшняя жизнь преступно коротка. Человек не успевает воплотиться, а уже стареет. А ведь есть еще и могилы детей. Краткость жизни вопиет о несправедливости. Жизнь безусловно будет удлиняться, а потом, возможно, найдут и секрет вечной молодости, бессмертия. Но когда это будет? Пока же надо уметь максимально сконцентрироваться на главном. Можно и без помощи врачей дать себе вечную прижизненную молодость. Можно и без помощи чуда остаться бессмертным, даже умерев. Меня часто упрекают в том, что я слишком разбрасываюсь — пишу и стихи, и статьи, и прозу, занимаюсь фотогра-

фией, снялся в фильме. Я не делаю этого искусственно. Я стараюсь сам, без всякой помощи, распечатать все мои возможности. Многогранность активности может быть и одновременной концентрацией. Поэтому мне и хочется «долго жить». Но не за счет утраты разума, силы, воли, творчества... Тогда долго жить бессмысленно.

В. КОРКИН. Чье мнение о ваших стихах вам было бы особенно важно, дорого? Я имею в виду и нынешних поэтов, и поэтов ушедших, кого вы считаете своими «учителями»?

Е. ЕВТУШЕНКО. Я считаю своими учителями всех настоящих поэтов, по выражению Сельвинского, «от Пушкина до Пастернака». Я счастлив тем, что читал Пастернака стихи, и ему очень понравилось: «Я разный

мне многое. Но она же многое во мне и опрIMITивизировала, приводила к пустопорожней риторике. Но риторика не всегда пустопорожня. «Во глубина сибирских руд» — это тоже риторика, то есть откровенное ораторство. У Маяковского была иногда плохая риторика, а иногда и гениальная, выстраданная, как, например, «Во весь голос». Боясь плохой риторики, многие молодые поэты боятся и риторики высокой. Исчезает гражданский пафос.

В. КОРКИН. Что нового о жизни, о себе вам удалось выявить в процессе творчества? Что всегда остается неизменным в отношении к миру, к искусству?

Е. ЕВТУШЕНКО. Неизменны три условия поэзии: правда, музыка, философия. Когда хотя бы одного из этих качеств нет, поэзия не состоится.

В. КОРКИН. Какой самой главной опасностью, подстерегающей вас в жизни и в творчестве, вы хотели бы избавиться?

Е. ЕВТУШЕНКО. Я боюсь умереть прежде смерти. **В. КОРКИН.** В чем вы видите счастье человека, поэта? Совместимо ли одно с другим?

Е. ЕВТУШЕНКО. Что такое поэт? Это человек, пишущий стихи. Личность и творчество неразделимы, а если они начинают раздваиваться, поэту конец.

В. КОРКИН. Пришвин заметил, что поэзия — это дар юности быть умной без ума. Не значит ли, что обращение многих поэтов, и ваше в том числе, к «суровой прозе» вызвано стремлением быть «умным с умом»?

Е. ЕВТУШЕНКО. Можно быть умным, даже не литературствуя. Но отсутствие ума еще никому не помогло стать ни хорошим поэтом, ни хорошим прозаиком. Глупость — это жалкое состояние для любого человека, хотя многие от этого вроде не страдают. Добрая глупость лучше умной подлости. Но многие подлости совершаются чаще именно по глупости, и от этого они не становятся менее подлыми.

В. КОРКИН. Надеетесь ли вы, что еще наступит пора, когда стихи снова вернутся к вам с той же наивно-блаженной доверчивостью как в дни юности? Возвращается ли юность?

Е. ЕВТУШЕНКО. Стихи меня не покидали — это я их покинул во время. Так было надо, может быть, для будущих стихов. А юность остается с человеком, если он ее не предаст, не предаст.

В. КОРКИН. Как менялся ваш поэтический стиль в свете слов Верлена: «Хребет риторике сверни»? По мнению некоторых критиков вы заплатили ей дань. Но может быть, вы не согласны с этим?

Е. ЕВТУШЕНКО. Я переболел болезнью «газетных стихов». Я об этом не жалею. Газета дала

ЧУВСТВО ПРАВДЫ
И МУЗЫКИ